

ГЕРОИ СРЕДИ НАС

БЕЗ ГРИМА

В театр, на работу. Софья Петровна Аверичева и Константин Сергеевич Лисицин.

ОПЫТНЫЙ, большой мастер сцены, народный артист Украинской ССР Василий Федорович Высоков рассказывал, что, работая над ролью Платона Кречета, он часто посещал больницы, присутствовал на операциях, изучал анатомию, чтобы «почувствовать» себя хирургом. В искусстве немало примеров, когда настоящие художники, чтобы «войти в образ», глубоко изучают особенности профессии своего героя. А киноактерам, как известно, нередко приходится даже по-настоящему овладеть этой профессией.

А случается ли так, что актер играет на сцене самого себя? Конечно, скажете вы, сколько угодно. И назовете немало пьес, в которых выписаны роли актеров.

Шей к пулемету девушки и название книги: «Дневник разведчицы». Пулеметчицу Горячеву играет бывшая разведчица Аверичева...

Собственно, и до того, как стать разведчицей, Софья любила сцену. В семнадцать лет поступила шофером в театр рабочей молодежи на Дальнем Востоке, а в двадцать три года в Ростове-Ярославском уже играла Нору в одноименной пьесе Ибсена. Способную актрису пригласили в театр имени Волкова. Луиза в «Коварстве и любви» Шиллера, Анна в «Варварах» Горького, Ирина в «Трех сестрах» Чехова, Машенька в одноименной пьесе Афиногенова...

И вдруг в мир творчества врывается война. Софья решает твердо и непреклонно — ее

место на фронте. Она учится водить мотоцикл, стрелять из пулемета, автомата, изучает топографию, немецкий язык.

В течение трех лет, день за днем, по-настоящему «вошедшая в образ» разведчицы, молодая артистка ведет изнурительный дневник. В нем наблюдаются тонкого психолога, рассказы о красивой душой и делами товарищах, мечты о заветной цели...

«23 июня. Ночь не сплю. Утром чуть свет бегу ко Дворцу культуры, там репродуктор. На душе тревожно. Около Дворца ни души. Репродуктор молчит. Сажусь на ступеньки огромной террасы, около колонн. Репродуктор молчит. Что же дальше? Как жить? Играть Нишу в «Маскараде»? Произносить со сцены никому не нужные слова?»

Подходят группами рабочие, закуривают. Садятся рядом. Репродуктор молчит. А рабочие все подходят, подходят. Наконец, передают сводку Советского Информбюро... Идут ожесточенные бои... Я твержу про себя: «Да нет же, нет! Не может этого быть!.. Это какая-то страшная ошибка. Почему так внезапно, как снег на голову... Это как дурной сон, кошмар. Хочется проснуться, открыть глаза, увидеть веселые лица, увидеть жизнь — обыкновенную, нет, не обыкновенную, чудесную жизнь, какая была два дня назад».

«4 июля. Гастроли оборвались. Вчера в три часа ночи вернулись в Ярославль, а утром я пошла в райвоенкомат, подала заявление с просьбой направить меня на фронт. Работник военкомата говорил усталым голосом: «Эх, девушка, у нас тысячи заявлений, все просятся на фронт, а работать кто же будет? Заявления девчата пишут такие, что мурашки по коже... Ладно, оставьте и вы свое».

«1 ноября 1942 года. Рота выстроилась около землянок... Бушлат у меня мокрый. Я долго его отстирывала. А старшина другого бушлата не дает. Докукин подводит итоги боевых действий нашей разведывательной роты. Женщины ставят в пример мужчинам.

— Наши девушки — это боевые разведчицы, наши постоянные товарищи! И если кто посмеет выругаться при них, попадет в штрафную роту... Вот так!

— Товарищ лейтенант! — кричат ребята, — а если это случится с вами?

— Пойду и я туда же!».

«18 июня 1943 года... Дождь не перестает. Мы замираем в ожидании. Кажется, что в этот миг остановилось время. Снаперы действуют бесшумно, быстро, как волшебники. Они уже сняли два ряда проволочного заграждения и легли в проход, пропуская нас вперед. Заширшала, задвигалась змейкой наша группа, продвигаясь в глубину гитлеровской обороны. Обошли пулемет с тыла.

Такой вернулась Софья Петровна с фронта. А это обложка только что вышедшей ее книги.

Вползли в лес, а потом в сероватом утреннем рассвете пошли в рост между соснами. Мы — в маскхалатах, как привидения.

— Пароль! Вер ист да? — кричит немец. В ответ летят наши гранаты. Мы наваливаемся на пулеметный расчет. Один гитлеровец лежит раненый, другой поднимается с гранатой в руке. Анистратов в одно мгновение вырывает у немца гранату и бросает ее в траншею противника. Подбегают Ложко, Голубь, Семейратов. Немцы отчаянно сопротивляются. Мы тащим их буквально волоком — за руки, за шиворот. А в это время группа бойцов Кузнецова продолжает бой в траншеях, сдерживая немцев, обеспечивая нам благополучный отход с пленными.

Когда мы притащили немцев к нашей обороне, противник опомнётся и открыл огонь. И тут мы заметили, что нет Кузнецова. Бойцы видели, как младший лейтенант вышел с боем из траншей и вместе со всеми прошел минное поле. Где же Кузнецов?

Мы побежали назад. Нашли Кузнецова под кустом, недалеко от минного поля. Он затянул на ногу жгут, пытаясь остановить хлеставшую кровь.

«30 января 1944 года. Настроение чудесное. На моих глазах рождается долгожданная победа, выстраданная целой огромной жертв нашего народа. Пробил час возмездия. Идет большое наше наступление...».

Такой дневник цитировать трудно. Его нужно прочитать от строки до строки.

Ну, а лучшей оценкой того, как актриса коммунистка Софья Аверичева справилась со своей новой ролью на фронте, является восемь правительственных наград от медали «За отвагу» до ордена Красного Знамени!

...Идет репетиция. Софья Петровна осмысливает судьбу своей героини — пулеметчицы Горячевой, и ей кажется, что перед ней проходит ее собственная жизнь.

— **ПОСМОТРИТЕ** спектакль «Панфиловцы» — посоветовали мне в театре. — и вы там встретите еще одного актера, играющего самого себя. ...Солдат Иван Натаров вырвался из вражеского окружения. К нему вначале относятся с некоторым подозрением.

Своем пронесли мины. Мы положили взводного на плащ-палатку и поползли к своей обороне.

Наконец мы в наших траншеях. Подтянулись группы прикрытия с капитаном Печенежским. Собрались все, кто действовал в операции. Здесь же и бойцы пехоты.

— Ну и рыжих вы поймали! — Всем «языкам» «языки!» У обоих гитлеровцев вся грудь в крестах и орденах. Один из них ефрейтор, другой — обер-ефрейтор.

— И как это вы, шупленькие, таких здоровенных фрицев вытащили! — удивляется пехота.

Не сдерживаемся в траншеях, спешим скорее домой. У всех настроение великолепное. Капитан Печенежский звонит командиру полка: «Задание выполнено! Взяли двух великанов».

«30 января 1944 года. Настроение чудесное. На моих глазах рождается долгожданная победа, выстраданная целой огромной жертв нашего народа. Пробил час возмездия. Идет большое наше наступление...».

Такой дневник цитировать трудно. Его нужно прочитать от строки до строки.

Ну, а лучшей оценкой того, как актриса коммунистка Софья Аверичева справилась со своей новой ролью на фронте, является восемь правительственных наград от медали «За отвагу» до ордена Красного Знамени!

...Идет репетиция. Софья Петровна осмысливает судьбу своей героини — пулеметчицы Горячевой, и ей кажется, что перед ней проходит ее собственная жизнь.

— **ПОСМОТРИТЕ** спектакль «Панфиловцы» — посоветовали мне в театре. — и вы там встретите еще одного актера, играющего самого себя. ...Солдат Иван Натаров вырвался из вражеского окружения. К нему вначале относятся с некоторым подозрением.

Но вот Иван в пылу объяснения рвет на себе гимнастерку и все видит, что он, рискуя жизнью, сохранил у своего сердца, пронес сквозь огненное кольцо знамя части.

В зале гром аплодисментов. Так мог поступить только герой.

— Таким он был и на войне, — подсказывает мне Софья Петровна. «Натаров? Так это известно из рассказов очевидцев, — думаю я... Ведь именно он, находясь в госпитале, в предсмертные часы успел рассказать о подвиге своих товарищей — панфиловцев».

— Нет, не Натаров, — слово разгадывая мои мысли, сказала Аверичева, — а Лисицин. Наш артист Константин Сергеевич Лисицин.

Только теперь я обратил внимание на то, что в театральной программке против роли Натарова стоит фамилия исполнителя — артист К. С. Лисицин.

Интереснейшая судьба у этого человека. И ему приходилось не раз вырываться на фронте из вражеского окружения...

Восемнадцатилетним юношей, уже работая в театре имени Волкова, он пошел добровольцем на фронт. Здесь вырос до командира роты разведчиков.

— «Похоронен был трижды заживо», — говорит Константин Сергеевич, — но до победы дожил и вернулся снова в родной театр. Сцену люблю самолюбиво. Готов выступать и в «рядовых», в массовых сценах, а если доверят — и в героях.

В героях... Именно это слово рядом с фамилией Лисицина поставлено наизусть.

Если он играет отмеченного боевыми наградами воина, буффорских орденов не нужно, есть свои награды. Ну, а если нужно выйти при Золотой Звезде? Тут, скажем прямо, случай в театральной практике уникальный. Константин Сергеевич прикрепит к костюму свою звездочку: артист Лисицин — Герой Советского Союза.

Герой Советского Союза К. С. Лисицин в роли Натарова в пьесе «Панфиловцы». Снимки В. Марьяловского.

...После седьмого ранения командир разведроты Лисицин лежал в госпитале на берегу Одера. Вдруг сообщили — приехал раненый маршал Рокоссовский. Зашел в палату, высокий, представительный, немного уставший.

— Так где тут Лисицин? — спросил маршал.

Его подвели к постели Константина Сергеевича.

Здесь и вручили орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза...

Вспоминает Лисицин и о таком случае. На сцене Кремлевского театра волковцы ставили спектакль «Панфиловцы». В перерыве за кулисы пришла группа зрителей. Оказалось, что это боевые друзья Константина Сергеевича по фронту.

— Недаром за находчивость во время рейдов по тылам тебя называли артистом, — шутили товарищи.

Сегодня мирное 22 июня. Когда закончится трудовой день, зрители направятся в театр, а вместе с ними на свою любимую работу — герои этого очерка.

Б. АРОВ.